

Особенно когда речь идет о существе с такой мощной духовной силой, как тот, что стоит перед ним.

Впрочем, кинжал выглядел очень старинным. Будучи официальным сикигами Правительства времени, Коносукэ повидал немало знаменитых клинков из разных эпох, так что мог провести базовую оценку.

Рукоять короткого меча, который сейчас держал в руках Идзаёй, была оплетена темно-синим шнуром, а лезвие сверкало, словно только что выкованное. Однако Коносукэ ощущал исходящее от него дыхание вечности — это был клинок с богатой историей, и по состоянию лезвия было видно, как бережно хозяин заботится о своей реликвии. К сожалению, узор на стали был самым обычным, ничем не примечательным. Поэтому Коносукэ не стал задерживать на нем взгляд: по сравнению с прославленными мечами этот явно проигрывал, их невозможно было поставить в один ряд.

Уточнив у господина Идзаёя, что послезавтра он придет забирать людей, Коносукэ поспешил удалиться. Находиться рядом с этим человеком было для него настоящим испытанием, особенно если вспомнить, что совсем недавно он пытался тайком подговорить его племянницу стать Сэнивой.

Покинув территорию храма и направляясь к месту, где он должен был совершить переход, Коносукэ вдруг поймал себя на мысли: все-таки находиться рядом с такими сильными и в то же время мягкими людьми — дело утомительное. Будь то тот дедушка-меч по имени Микадзуки Мунэтика или же тот пробужденный, что унаследовал могучую кровь...

Смех.

Когда Коносукэ ушел, выражение лица Сакурако тут же сменилось облегчением — было видно, как сильно она нервничала.

Однако, заметив невозмутимое спокойствие своего дядюшки, Сакурако вспыхнула. Она протянула руку, сорвала с его лица лист белой бумаги и возмущенно воскликнула:

— Дядюшка, ты меня до смерти напугал! Зачем ты вообще достал этот короткий меч?

Когда бумага была убрана, открылось изысканное, совершенное лицо.

Хотя она видела его не впервые, у Сакурако перехватило дыхание, а сердце забилось чаще. Гнев, который она только что испытывала, мгновенно испарился, стоило ей взглянуть на эту красоту.

«Ну конечно, дядюшка — это сплошной чит-код. Ну как на него можно злиться?» — мысленно отругала себя Сакурако и с досадой скомкала бумагу.

— Ха-ха-ха, ну что тут поделаешь, — проговорил Идзаёй, прекрасный юноша, на вид которому было не больше четырнадцати-пятнадцати лет, широко и искренне улыбаясь.

— Ой, я же просила так не делать! Это совсем не вяжется с твоим обликом, — Сакурако тут же принялась серьезно отчитывать его за дьявольски заразительный смех.

— Хай-хай, я буду осторожнее. Так пойдет? — Идзаёй ответил серьезно, при этом поднял широкий рукав своего каригину, прикрывая уголки губ, и добавил с улыбкой в голосе: — Надеюсь, так лучше?

— Ну, так еще куда ни шло, — Сакурако знала, что дядюшка все равно забудется и снова расхохочется, но сейчас, глядя на то, как его темно-синие глаза изогнулись красивыми полумесяцами, она почувствовала, что очарована еще сильнее. Ей пришлось отвести взгляд: сила воздействия была куда мощнее, чем раньше!

«Настоящий демон во плоти», — пробормотала она про себя.

— Хм, можно еще использовать веер, — задумчиво кивнул юноша.

— На самом деле, дядюшке достаточно просто прикрываться бумагой или вуалью, и проблем не будет. Хотя, конечно, это все равно будет привлекать взгляды всех вокруг, — Сакурако отвела глаза, смущенно надув губы.

— Ха-ха-ха! — снова рассмеялся Идзаёй.

— Я же сказала, не надо так! — Сакурако подпрыгнула на месте, словно ее ужалили.

— М-м, хорошо, я постараюсь, — послушно отозвался Идзаёй.

— Ну вот, опять ты за свое, — Сакурако была в отчаянии от покладистости дядюшки. Как бы искренне он ни обещал, привычки своей он не менял.

Несмотря на досаду, она быстро взяла себя в руки и серьезно сказала:

— Я ведь хотела сама стать Сэнивой, чтобы потом тайком забрать тебя с собой.

— Ох, ты, — Идзаёй сразу понял, что задумала девушка, на глазах у которой он вырос. — Так нельзя. Если бы ты согласилась стать Сэнивой только ради того, чтобы я отправился туда, я бы чувствовал огромную вину. Тебе совсем не нужно туда ехать.

— Но... — Сакурако попыталась возразить.

— Никаких но. Разве не прекрасно, что я отправлюсь туда сам? Тебе не о чем беспокоиться, — Идзаёй погладил девушку по красивым, гладким черным волосам, глядя на нее с пониманием и утешением.

— Но дядюшка, если вдруг твою личность раскроют, что же тогда будет?

— Все хорошо. Я уже несколько сотен лет служу Сёгудзи в этом храме, меня не так-то просто раскусить. Не забывай, что господин Инуяся и господин Сэссёмару перед уходом из мира живых наложили на зеркало, что я ношу, мощную защиту. Обычным людям ее не пробить, а те духи и боги, что способны увидеть правду, не станут обращать внимания на такое существо, как я, — Идзаёй говорил уверенно и спокойно.

— Хоть ты и прав, но все равно... — Сакурако знала, что он говорит истину, но тревога не отпускала. Для нее дядюшка был самым близким человеком, и раз он столько веков оберегал клан Хигураси, она тоже хотела его защитить, даже зная, что его силы намного превосходят возможности такой девчонки, как она.

— Ничего, мне очень приятно, что ты хочешь меня защитить, — Идзаёй тепло посмотрел на девушку своими ясными темно-синими глазами.

Понимая, что решение принято и ничего изменить нельзя, Сакурако выпрямилась, глубоко вздохнула и низко поклонилась юноше, произнеся с предельной серьезностью:

— Я знаю, что дядюшка не уходит навсегда, но от лица всего клана Хигураси я благодарю господина Идзаёя за то, что он все это время оберегал нас. Как вы защищали наш род, так и мы хотим, чтобы вы обрели счастье. Пожалуйста, дядюшка, будьте счастливы!

От торжественного поклона и искренних слов Идзаёй на мгновение замер, затем его глаза снова сошлись в лукавые полумесяцы. Он помог девушке подняться и мягко улыбнулся:

— Ох, какое серьезное обращение! Мы же семья, так что заботиться друг о друге — это само собой разумеющееся.

— Я знаю, что мы семья, дядюшка Идзаёй, у нас одна кровь, это неоспоримо. Но вы столько веков хранили нас, как старший, и даже если вам это не в тягость, мы хотим, чтобы вы тоже нашли свое счастье, чтобы рядом был кто-то, на кого можно опереться, — на глазах Сакурако выступили слезы, голос дрогнул.

— Не плачь. Я обязательно буду счастлив, обещаю, — Идзаёй осторожно вытер слезы с ее щек, глядя прямо в ее зеленые, как молодая трава, глаза.

— Ты обещал, — Сакурако ухватила за его руку.

— Хай-хай, обещаю, — улыбнулся Идзаёй.

Он еще долго утешал расчувствовавшуюся девушку. Он ведь растил ее с пеленок, и ему было невыносимо видеть, как она плачет — особенно из-за него самого. В конце концов, после всех его попыток успокоить ее, он снова не удержался и рассмеялся, а Сакурако по привычке тут же принялась его исправлять.

Да, для нее этот дядюшкин смех был самым сильным оружием.

Успокоив девушку, Идзаёй сказал:

— Скоро я буду созваниваться с Потусторонним миром. Ты ведь давно не видела принцессу?

При упоминании принцессы Сакурако тут же оживилась. Она очень любила ее — должно быть, это была зов крови. Сакурако находила прабабушку невероятно мягкой, но эта мягкость отличалась от той, что была у дядюшки. Если присмотреться, то мягкость Идзаёя была сильной, как он сам когда-то ответил: мягкость — это и есть сила. Звучит невероятно, но для Сакурако это описание подходило дядюшке как нельзя лучше. К слову, актер, игравший Окиту Содзи в сериале, который она сейчас смотрела, был таким же.

Конечно, внешность того красавца-актера не шла ни в какое сравнение с дядюшкой.

— А это уместно? — спросила Сакурако, хотя была очень взволнована. Все-таки живым не очень-то положено общаться с тем миром.

— Все в порядке, господин Ходзуки уже дал добро, — ответил Идзаёй с улыбкой.

— Господин Ходзуки... Поразительно, дядюшка, как ты вообще можешь с ним дружить! — при одном упоминании этого имени Сакурако пробирала дрожь. Это был своего рода посттравматический синдром с самой первой встречи. Она считала господина Ходзуки по-настоящему пугающим, от одного его вида сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Зная об этом страхе, Идзаёй лишь сочувственно вздыхал. Он понимал, что дело в духовной силе Сакурако — она была очень чистой, а Ходзуки, будучи первым демоном ада, первым карающим духом и первым божеством-мстителем, был существом запредельного уровня опасности.

Утешив племянницу, Идзаёй повел ее к своему домику. Так как он занимал особое положение, его жилище находилось на горе за храмом, поэтому путь был неблизким.

По дороге Сакурако вдруг спросила:

— Кстати, дядюшка, почему ты сегодня так внезапно вернулся? Что случилось?

— А, это... из-за того самого Коносукэ.

— Ты знал, что он придет? — Сакурако удивленно посмотрела на него. — Ты давно знал о Правительстве времени?

— Услышал еще давным-давно, знал, что встреча неизбежна. Но не думал, что так скоро. Думал, пройдет еще пара лет, но из-за того, что Правительство времени набирает кого попало, сроки сдвинулись, — Идзаёй вздохнул. — Планы всегда меняются.

Сакурако с легким недоумением посмотрела на него и перевела тему:

— А как ты вернулся? Ты ведь уходил туда на тренировку, как успел так быстро?

— Через магический массив пространственной привязки. Я заранее установил точку привязки дома, на всякий случай. Хорошо, что я регулярно поддерживал его в рабочем состоянии, — улыбнулся Идзаёй.

Сакурако снова поразились его предусмотрительности. Но услышав про «регулярное обслуживание», почувствовала облегчение: слава богу, а то если бы что-то пошло не так, ей пришлось бы делать харакири от отчаяния!

Не зная о переживаниях племянницы, Идзаёй продолжал:

— Раньше господин Ходзуки, будучи в мире живых по делам, заходил ко мне обсудить Правительство времени. Нельзя же все пускать на самотек, вот господа из Потустороннего мира и попросили меня стать координатором.

— Ого, сколько всего происходит за кулисами! Даже представить страшно, — Сакурако едва успевала переваривать услышанное.

Идзаёй усмехнулся:

— Еще кое-что о маскировке. Зеркало, что я ношу, господин Ходзуки попросил переделать, и теперь оно работает еще лучше. Говорят, он даже уболтал госпожу Идзанами добавить свое благословение.

— Госпожу Идзанами?! Вот это да! Но подожди... «уболтал»?! — Сакурако показалось, что она ослышалась.

— Ну да. После того как госпожа Идзанами попала в Ёми, она стала немного... э-э... эксцентричной. А господин Ходзуки мастер своего дела, так что... — Идзаёй не стал вдаваться в подробности. Некоторые тайны лучше не знать — дистанция рождает красоту.

— Ладно, я, пожалуй, не хочу знать подробности ада, а то станет совсем безнадежно, —

подытожила Сакурако.

— И правильно, — Идзаёй похлопал ее по голове. — Ха-ха-ха.

— Ой, дядюшка, ты сегодня уже столько раз это делал, у меня прическа растрепалась! — пожаловалась она. — И хватит так смеяться, тебе не идет!

— Прости, прости, — Идзаёй виновато улыбнулся. — Хочешь, я помогу тебе переплестись?

— Лучше не надо! — Сакурако покосилась на его длинные волосы. — Ты свои-то за сотни лет так и не научился нормально укладывать, куда уж мои!

Идзаёй, вспомнив о своем сомнительном мастерстве, невольно погладил свой небрежный низкий хвост и решил оставить эту затею.

В кабинете Идзаёй достал из шкафа серебристо-серый ноутбук. Они сели на пол перед низким столиком, открыли устройство и, настроив камеру, запустили программу связи.

Через несколько минут видеосвязь была установлена. На экране возник высокий, статный юноша с длинными серебряными волосами, собранными в высокий хвост, и глубокими синими узорами на щеках.

Увидев его, Идзаёй вежливо поклонился:

— Давно не виделись, господин Тога. Как вы поживаете?

Сакурако, сидевшая рядом, тоже поспешила поклониться.

— А, это ты. У меня все отлично, на днях знатно помахался со старыми пердунами, — юноша широко улыбнулся и размял мускулистые плечи.

— Битвы — ваша страсть, но прошу, постарайтесь не получать серьезных ран. Принцесса будет волноваться, — мягко заметил Идзаёй.

— Хай-хай, знаю. Я всегда проверяю себя перед возвращением домой, не дам ей повода для беспокойства, — серьезно кивнул Тога.

Не дожидаясь ответа, он перевел взгляд на спутницу Идзаёя:

— А это кто?

— Господин Тога, здравствуйте, я Хигураси Сакурако, — Сакурако заметно занервничала под пристальным взглядом прадеда.

— Не называй меня господином, ты же моя потомок, зови просто прадедусшкой. Сакурако? Надо же, как ты выросла! — смягчился Тога.

— Согласен, зови его прадедусшкой, — кивнул Идзаёй. — А принцесса где?

— На кухне, ходит на курсы кулинарии, печенье мне делает, — при упоминании жены лицо Тоги стало совсем мягким.

— Ох, жаль, что я не смогу попробовать, — Идзаёй прикрыл рот рукавом. — Но принцесса не очень сильна в кулинарии, так что, господин Тога, прошу, будьте снисходительны.

Сакурако тут же вспомнила дядюшкину стряпню. Идзаёй был мастером «темной кухни»: выглядело все всегда изысканно, но вкус был таким, что хотелось упасть в обморок. Это не было ядом, но гамма ощущений была незабываемой. Сакурако всегда подсовывала его «шедевры» гостям на первое апреля, и это всегда срабатывало!

Глядя на прадеда, Сакурако прониклась к нему жалостью. Тога, заметив ее взгляд, все понял, но лишь усмехнулся: как великий ёкай, он перепробовал в жизни столько всего, что был готов съесть что угодно, лишь бы не расстраивать любимую.

<http://bllate.org/book/20939/2122505>